

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «МАКАРОВА И ДРУГИЕ против РОССИИ»

(жалобы №№ 53545/13 и 56703/13)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

26 марта 2019 года

*Данное постановление является окончательным, но может быть
подвергнуто редакционной правке.*

По делу «Макарова и другие против России»,
Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая
Комитетом, в состав которого вошли:
Хелен Келлер, *Председатель*,
Пере Пастор Виланова,
Мария Элосеги, *судьи*,
и Фатош Араджи, *Заместитель Секретаря секции*,
проведя заседания за закрытыми дверями 22 января и 5 марта
2019 года,
вынес следующее постановление, утвержденное во второй из
указанных дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено по двум жалобам (№№ 53545/13 и 56703/13) против Российской Федерации, поданным в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») тремя гражданами России - Татьяной Андреевной Макаровой, Александрой Юрьевной Астаховой и Елизаветой Антоновной Фохт-Бабушкиной («заявители»), 27 июля 2013 года (первый заявитель) и 19 августа 2013 года (второй и третий заявители). В апреле 2017 года первый заявитель скончалась. 24 января 2019 года ее мать, Лариса Юрьевна Макарова, изъявила желание добиваться рассмотрения жалобы в Суде.

2. Интересы первого заявителя представлял К. Терехов, адвокат, практикующий в г. Москве. Интересы второго и третьего заявителей представлял Н. Зборошенко, адвокат, практикующий в г. Москве. Интересы Властей Российской Федерации (далее – «Власти») представляли М. Гальперин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, и А. Федоров, руководитель Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. 30 июня 2017 года Власти были уведомлены о жалобах на основании статей 6, 10 и 11 Конвенции, а остальная часть жалоб была признана неприемлемой в соответствии с пунктом 3 Правила 54 Регламента Суда.

4. Власти не возражали против рассмотрения жалоб Комитетом.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Первый заявитель (Макарова), 1989 года рождения, проживала в г. Москве. Второй заявитель (Астахова), 1985 года рождения, проживает в г. Мытищи Московской области. Третий заявитель (Фохт-Бабушкина), 1994 года рождения, проживает в г. Москве.

6. 14 декабря 2012 года Государственная Дума, нижняя палата Федерального собрания России, приняла в первом чтении законопроект, который, в частности, запрещал усыновление российских детей гражданами Соединенных Штатов Америки.

7. 17 декабря 2012 года в официальной ежедневной газете «Российская газета» было объявлено, что второе чтение законопроекта назначено на 19 декабря 2012 года.

8. Как утверждает первый заявитель, она читала в различных социальных сетях, что 19 декабря 2012 года многие люди намеревались устроить одиночные пикеты перед зданием Государственной Думы, чтобы выразить их несогласие с указанным законопроектом. Форма одиночного пикетирования была выбрана потому, что для соблюдения установленного законодательством минимального трехдневного периода уведомления об иных видах (групповых) мероприятий не было времени.

9. Все заявители решили провести одиночные пикетирования 19 декабря 2012 года. По их словам, примерно в 9:00 они расположились с плакатами недалеко от здания Государственной Думы, на определенном расстоянии от других протестующих (см. также постановление Европейского Суда от 7 февраля 2017 года по делу «Лашманкин и другие против России» (*Lashmankin and Others v. Russia*), жалобы №№ 57818/09 и 14 других жалоб, пункты 206-15).

10. По словам первого заявителя, через несколько минут ее задержали полицейские и препроводили в полицейский фургон. Полицейские не давали никаких приказов прекратить демонстрацию и покинуть место пикетирования. Как утверждают второй и третий заявители, после проведения одиночного пикетирования они ушли оттуда, по просьбе журналистов показывая свои плакаты. В это время их задержала полиция и они были доставлены в Тверское районное отделение полиции.

11. По показаниям Властей, 19 декабря 2012 года, в 10:00, все заявители приняли участие в групповом пикете, проводимом без предварительного уведомления органов власти. Первый заявитель держала плакат со словами «Ищу американца, который усыновит меня», второй и третий заявители держали плакаты со словами «Разве сироты виновны в смерти Магницкого? Не позорьтесь!» Заявители не

отреагировали на законные требования полиции прекратить участие в мероприятии и продолжали «пикетирование», привлекая внимание прохожих. В 10:30 они были задержаны и доставлены в Тверское районное отделение полиции с целью составления протокола об административном правонарушении. В 13:20 того же дня заявители были освобождены.

12. В отделении полиции заявителей обвинили в организации и проведении публичного мероприятия без заблаговременного уведомления властей в нарушение части 2 статьи 20.2 Кодекса об Административных правонарушениях Российской Федерации (далее — «КоАП РФ»). В протоколе об административном правонарушении, составленном в отношении первого заявителя, и в отчетах полицейских в отношении всех заявителей указано, что правонарушение было совершено в 10:00. В данных документах также указано, что они принимали участие в публичном мероприятии, о котором власти не были уведомлены, и отказались прекратить его по распоряжению полиции.

13. 15 января 2013 года мировой судья судебного участка № 369 Тверского района г. Москвы признал первого заявителя виновной согласно части 2 статьи 20.2 КоАП РФ и назначил ей штраф в размере 20 000 рублей (примерно 495 евро по обменному курсу на тот момент). Суд признал установленным, на основании протокола об административном правонарушении, докладах полицейских и устных показаний полицейского, который задерживал заявителя, что последняя участвовала в публичном мероприятии («пикете»), которое насчитывало пятьдесят человек и о котором власти не были уведомлены заранее. 14 февраля 2013 года Тверской районный суд Москвы оставил данное постановление без изменений в порядке апелляции. Заявитель не присутствовала на слушании по апелляции, хотя была уведомлена о таковом в надлежащем порядке.

14. 31 января 2013 года в двух отдельных судопроизводствах тот же мировой судья признал виновными второго и третьего заявителей на основании части 2 статьи 20.2 КоАП и назначил каждому из них штраф в размере 20 000 рублей. Суд полагался на протоколы об административном правонарушении, отчеты полицейских и устные показания полицейского, который задерживал заявителей. 21 февраля и 21 марта 2013 года Тверской районный суд г. Москвы оставил без изменений решения суда в отношении третьего и второго заявителей, соответственно. Оба заявителя отсутствовали на апелляционных слушаниях, хотя адвокат третьего заявителя принимал в них участие. В деле третьего заявителя апелляционный суд изучил некоторые документы и допросил полицейского тщательным образом, прежде чем предоставить адвокату стороны защиты возможность провести его перекрестный допрос; затем судья апелляционного суда задал ряд

последующих вопросов. В своем постановлении апелляционный суд пришел к выводу, что вина третьего заявителя была доказана доказательствами противной стороны, а именно, протоколом об административном правонарушении, отчетом о порядке доставления и показаниями.

15. 1 и 5 июля 2013 года Московский городской суд рассмотрел в порядке надзора жалобы, поданные вторым и третьим заявителями. Суд переклассифицировал обвинения против заявителей как подпадающие под часть 5 статьи 20.2 КоАП, а именно, нарушение участником установленного порядка проведения публичных мероприятий. Каждый из назначенных штрафов был уменьшен до 10 000 рублей (примерно 232 евро на тот момент).

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

16. Краткое изложение положений внутригосударственного права и практики в отношении норм, регулирующих проведение публичных мероприятий, ответственности за нарушения, допущенные в ходе проведения таких мероприятий, а также административного доставления и задержания см. в постановлении Европейского Суда от 7 февраля 2017 года по делу «Лашманкин и другие против России», упомянутому выше, пункты 216-312, а также в постановлении Европейского Суда от 26 апреля 2016 года по делу «Новикова и другие против России» (*Novikova and Others v. Russia*), жалобы №№ 25501/07 и 4 другие жалобы, пункты 47-84.

17. До 1 января 2013 года обвинения согласно статье 20.2 КоАП подлежали рассмотрению мировым судьей в первой инстанции (часть 3 статьи 23.1, действовавшая до 1 января 2013 года). С 1 января 2013 года дела о таких административных правонарушениях рассматриваются районными судами общей юрисдикции (часть 3 статьи 23.1, вступившая в силу 1 января 2013 года).

18. Начиная с 6 января 2013 года Законом города Москвы от 4 апреля 2007 года № 10 определено, что расстояние между одиночными пикетами должно составлять не менее пятидесяти метров. Данным Законом также определено, что одновременно проходящие демонстрации следует рассматривать как одиночное пикетирование лишь в том случае, если они не имеют общей цели и организации (раздел 2.3).

ПРАВО

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ В ОДНО ПРОИЗВОДСТВО

19. В связи с тем, что данные жалобы имеют общую фактическую и правовую основу, Суд принял решение объединить две жалобы в одно производство в соответствии с пунктом 1 правила 42 Регламента Суда.

II. ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛАРИСЫ МАКАРОВОЙ

20. Суд отмечает, что после смерти первого заявителя в 2017 году ее мать выразила желание поддержать разбирательство в Суде в отношении жалобы, которая была подана ее скончавшейся дочерью в Суд в 2013 году и поднимала вопросы согласно статьям 6, 10 и 11 Конвенции. Власти не сделали никаких комментариев по данному аспекту дела. Со своей стороны, Суд повторяет, что при определении этого вопроса решающее значение имеет не возможность передачи рассматриваемых прав наследникам, намеревающимся добиваться рассмотрения дела, а право наследников в принципе требовать защиты законных интересов в Суде в соответствии с намерением заявителя реализовать свое право на подачу индивидуальной жалобы в Европейский Суд (см. постановление Европейского Суда от 8 апреля 2014 года по делу «Эргезен против Турции» (*Ergezen v. Turkey*), жалоба № 73359/10, пункт 29; постановление Европейского Суда от 17 января 2017 года по делу «Барахоев против России» (*Barakhoyev v. Russia*), жалоба № 8516/08, пункты 22-23; и постановление Европейского Суда от 12 декабря 2017 года по делу «Ксенз и другие против России» (*Ksenz and Others v.* жалобы №№ 45044/06 и 5 других жалоб, пункты 87 и 117). Дела, связанные с правами человека, обычно рассматриваемые Судом, также имеют отношение к моральным вопросам, и близкие заявителя, таким образом, могут иметь законный интерес в восстановлении справедливости даже после смерти заявителя (там же). Суд удовлетворен выполнением условия тесного родства и тем, что Лариса Макарова имеет законный интерес в том, чтобы жалоба, поданная от имени заявителя, была рассмотрена. Суд не видит оснований сомневаться в том, что между скончавшимся заявителем и ее матерью имелась достаточно тесная родственная связь. Следовательно, Суд постановил, что Лариса Макарова имеет право продолжить процесс вместо заявителя. По практическим причинам, Татьяна Макарова будет и далее именоваться «первым заявителем» в данном постановлении.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

21. Заявители жаловались на отсутствие стороны обвинения на слушании дела в суде в рамках возбужденного против них административного производства. Первый заявитель также утверждала, что суды первой инстанции не были «созданы на основании закона» и таким образом не обладали юрисдикцией в ее деле. Заявители ссылались на пункт 1 статьи 6 Конвенции, который в соответствующей части гласит:

«Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела независимым и беспристрастным... судом, созданным на основании закона».

22. Власти сообщили, что КоАП РФ не предусматривает обязательное участие государственного обвинителя в каждом деле, касающемся административного правонарушения. Их доводы в этой связи были аналогичны доводам в постановлении Европейского Суда от 20 сентября 2016 года по делу «Карелин против России» (*Karelin v. Russia*), жалоба № 926/08, пункты 46-48). Власти настаивали на том, что внутригосударственные суды не принимали на себя роль стороны обвинения при рассмотрении дел заявителей, и что их решения были обоснованными. Что касается дополнительной жалобы первого заявителя, Власти считали, что мировой суд был правомочен рассматривать ее дело согласно части 3 статьи 23.1 и части 1 статьи 28.7 КоАП.

23. Наконец, заявители утверждали, что в отсутствие стороны обвинения судьи, участвовавшие в рассмотрении дела, взяли роль обвинения на себя. В частности, они зачитывали протоколы об административных правонарушениях, которые могли рассматриваться как обвинительные заключения. Следовательно, внутригосударственные суды не были «беспристрастными» в значении статьи 6 Конвенции. Первый заявитель также утверждала, что ее дело должно было рассматриваться в районном суде первой инстанции, а не мировым судьей, и что ее апелляционная жалоба подлежала рассмотрению Московским городским судом.

А. Приемлемость жалобы

24. Суд прежде всего повторяет, что уголовный аспект статьи 6 Конвенции был применен к производству в отношении заявителей на основании КоАП РФ (см. постановление Европейского Суда от 19 ноября 2015 года по делу «Михайлова против России» (*Mikhaylova v. Russia*), жалоба № 46998/08, пункт 69).

25. Что касается жалобы первого заявителя о том, что суд первой инстанции не имел юрисдикции в ее деле, Суд отмечает, что мировой судья судебного участка № 369 Тверского района г. Москвы принял административное дело против заявителя для рассмотрения в соответствии с национальными юрисдикционными правилами. Согласно этим правилам, которые были изменены с 1 января 2013 года, дела, касающиеся, в том числе, административных правонарушений на основании статьи 20.2 КоАП, подлежали рассмотрению районными судами первой инстанции. Однако, учитывая, что административное правонарушение было совершено первым заявителем 19 декабря 2012 года, нет никаких оснований считать, что новые правила были применимы к ее делу. Заявитель не представила никаких связанных доводов по апелляции против признания ее виновной, а также каких-либо комментариев в ответ на доводы Властей. Суд заключает, что имеющиеся материалы не раскрывают нарушение существенных элементов, относящихся к требованию того, что «суд должен быть создан на основании закона». Следовательно, Суд считает, что данная жалоба является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с подпунктом "а" пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

26. Суд отмечает, что жалоба, относящаяся к отсутствию стороны обвинения на судебных слушаниях по административному производству, не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

27. Ранее Суд установил, что отсутствие стороны обвинения в контексте устных слушаний, влекущее вынесение решений по делам об административных правонарушениях, представляет собой серьезный недостаток в нарушение требования объективной беспристрастности, предусмотренного в пункте 1 статьи 6 Конвенции (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Карелин против России», пункты 69-84). Он отмечает, что значимые фактические и правовые элементы настоящего дела и дела Карелина (там же, пункты 59-68) являются схожими в отношении судебных разбирательств по делам первого и второго заявителей, и административного производства в целом в отношении третьего заявителя. Замечания сторон в настоящем деле не содержат оснований для отклонения Суда от постановления, вынесенного ранее в этом отношении.

28. В дополнение, Суд отмечает, что апелляционный суд в деле третьего заявителя полагался не только на показания допрошенного им

свидетеля, но и на протокол об административном правонарушении в качестве доказательства, которое он наделил доказательственной силой в отношении ее вины и для отклонения ее апелляционной жалобы по существу и на основании закона (сравните с упоминаемым выше постановлением Европейского Суда по делу «Карелин против России», пункты 66 и 81-83, а также с постановлением Европейского Суда от 13 февраля 2018 года по делу «Буткевич против России» (*Butkevich v. Russia*), жалоба № 5865/07, пункт 94).

29. Путем сравнения Суд также отмечает, что первый и второй заявители подали апелляционные жалобы и затем отсутствовали на судебных слушаниях по апелляции, не будучи представленными адвокатами. Суд не видит причины считать, что заявителям не была предоставлена надлежащая возможность присутствовать на слушании или организовать юридическое представление их интересов. Напротив, судя по всему, заявители осознанно отклонили такую возможность (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Карелин против России», пункт 76). Апелляционные суды не получали иных апелляционных жалоб или ответных замечаний, и не заслушивали никаких устных представлений или свидетелей. Апелляционные процедуры ограничились пересмотром судебных решений путем изучения материалов дела исключительно на основе апелляционных жалоб ответчиков. Оценивая вышеуказанные критерии в совокупности, Суд не находит нарушения требований объективной беспристрастности в отношении проведенной апелляционной процедуры.

30. Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции ввиду требования объективной беспристрастности в отношении административного производства по делу третьего заявителя и судопроизводства в суде первой инстанции по делам первого и второго заявителей, и отсутствовало нарушение данного положения в отношении апелляционного производства по жалобам первого и второго заявителей.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

31. Заявители жаловались, что прекращение их одиночного пикетирования, их доставление в отделение полиции и признание виновными в административном правонарушении представляло незаконное и непропорциональное вмешательство в осуществление их права на свободу мирных собраний.

32. Ввиду характера и сферы применения доводов заявителей, а также того, что Власти ссылались на установленные Законом о публичных мероприятиях правила в отношении массовых мероприятий, Суд находит целесообразным рассмотреть это дело на

основании как статьи 10, так и статьи 11 Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 20 марта 2018 года по делу «Радомиля и другие против Хорватии» (*Radomilja and Others v. Croatia*), жалобы №№ 37685/10 и 22768/12, пункт 126), которые гласят:

Статья 10

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка в целях предотвращения беспорядков или преступлений...».

Статья 11

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний...

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц...»

А. Приемлемость жалобы

33. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Доводы сторон

34. Заявители утверждали, что они участвовали в спонтанном публичном протесте против законопроекта, запрещающего усыновление российских детей гражданами Соединенных Штатов. Дата рассмотрения законопроекта Государственной Думой была объявлена двумя днями раньше. Учитывая трехдневный срок для подачи уведомления, времени уведомить власти о протестной акции не было. Поэтому заявители решили провести одиночное пикетирование, которое не требует предварительного уведомления властей согласно

Закону о публичных мероприятиях. Хотя протестующие, включая заявителей, располагались на расстоянии более пятидесяти метров друг от друга, власти сочли их одиночные пикетирования единым публичным мероприятием. Они остановили его, задержали участников и оштрафовали их за участие в групповом «пикетировании» без предварительного уведомления. Заявители подчеркнули, что даже если им мероприятия считались «незаконными», они проводили их мирным образом и не создавали никаких беспорядков.

35. Власти утверждали, что заявители действовали незаконно, проводя групповое публичное мероприятие без одобрения властей, как установили внутригосударственные суды. Поэтому разгон мероприятия был законным и обоснованным. Они оспаривали утверждение, что мероприятие, проводимое заявителями, можно было квалифицировать как действительно спонтанное. По мнению Властей, у заявителей было достаточно времени, чтобы организовать публичное мероприятие в соответствии с процедурой уведомления, предписанной Законом о публичных мероприятиях, до того как законопроект был подписан 28 декабря 2012 года. Такая процедура была введена в действие, поэтому публичные мероприятия могли проводиться мирным и безопасным образом. Так как заявители не следовали правилам, они были оштрафованы на законных основаниях за участие в публичном мероприятии, проводимом без предварительного уведомления Властей.

2. Оценка Суда

36. Стороны согласились, что прекращение пикетирования и/или участия заявителей в групповом публичном мероприятии, их доставление в отделение полиции и признание виновными в совершении административного правонарушения представляли собой вмешательство в их права на свободу мирных собраний и свободу выражения мнения. Подобное вмешательство представляет собой нарушение статей 10 и 11 Конвенции, если оно не предусмотрено законом, не преследует одну или более законных целей в соответствии с пунктом 2 каждой из статей, а также если оно не является «необходимым в демократическом обществе». Однако, в данном деле вопросы соблюдения закона и существования законной цели не могут быть отделены от вопроса о том, является ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе». Поэтому необходимо рассмотреть эти вопросы по отдельности (см. аналогичную аргументацию в постановлении Европейского Суда от 31 июля 2014 года по делу «Немцов против России» (*Nemtsov v. Russia*), жалоба № 1774/11, пункт 75).

(а) **Одиночное пикетирование**

37. Прежде всего, Суд учел утверждение заявителей, что они пытались провести одиночные пикетирования, место проведения (цель пикетирования) и время проведения которых совпадали.

38. В этой связи Суд ссылается на свои выводы в постановлении по делу «Новикова и другие против России» (упоминается выше, пункты 193 и 197-99) относительно Закона о публичных мероприятиях. Независимо от установленного законодательством требования соблюдения дистанции при проведении одновременных одиночных пикетирований, Закон позволял судам классифицировать *post facto* (задним числом) пикетирование как групповое мероприятие («правило переклассификации» согласно разделу 7(1.1) Закона) и, как подразумевается, наказывать лиц за несоблюдение процедуры предварительного уведомления, применимой к таким мероприятиям. По мнению Суда, предполагаемые законодательные цели такого положения (такие как предоставление органам власти возможности принять своевременные и должные меры для обеспечения требуемого порядка проведения определенной гражданской инициативы и обеспечения общественной безопасности, а также защиты прав участников мероприятия и иных лиц) в обычном порядке могли бы быть достигнуты посредством разумного применения требования о дистанции, без существования «наущной социальной потребности» — относящейся к преследованию любой конкретной законной цели — применять «правило переклассификации» и соблюдать соответствующую процедуру предварительного уведомления.

39. Отмечается, что до января 2013 года не существовало конкретного законодательного требования в отношении дистанции (см. пункт 17 выше). В то же время Суд не видит причин сомневаться, что каждый заявитель просто стоял с плакатом на определенном - по-видимому, значительном - расстоянии от других протестующих, неподалеку от цели пикетирования, Государственной Думы; каждый заявитель вел себя мирно и не нарушал порядка. Внутригосударственные суды расценили данную ситуацию как единое групповое мероприятие в форме «пикета». Тем не менее, нет убедительных обстоятельств, относящихся к общественной безопасности, предотвращению беспорядков или защите прав других лиц, которые были бы положены на чашу весов и на которые бы опирались при применении этого фактического утверждения для признания виновным каждого заявителя именно за не-соблюдение процедуры уведомления и также при приписывании активной роли, как минимум, одному из заявителей (см. пункты 12-15 выше). Единственное имеющее отношение к делу обстоятельство состояло в необходимости наказания незаконного поведения, заключавшегося единственно в несоблюдении процедуры уведомления. В отсутствие

каких-либо отягчающих обстоятельств этого было недостаточно для оправдания вмешательства в право первого заявителей на свободу выражения мнения в обстоятельствах дела.

(б) Спонтанное собрание

40. В порядке альтернативы, если принимать как убедительно обоснованный тот факт, что заявители действительно принимали участие в «собрании» (друг с другом и/или другими), рассматриваемом в контексте статьи 11 Конвенции, настоящее дело подпадает под действие вопросов, связанных с так называемыми «спонтанными собраниями». Суд уже рассматривал этот конкретный вопрос в деле «Лашманкин и другие против России» (упоминается выше, пункты 443-52) и, как выяснилось, в связи с фактически такими же обстоятельствами. Суд отметил, в частности, что Закон «О публичных мероприятиях» не предусматривает особых обстоятельств, когда немедленное реагирование на текущее событие выражается в форме спонтанного «собрания» в значении пункта 1 статьи 11 Конвенции.

41. Суд отмечает, что заявители хотели протестовать против законопроекта, запрещающего усыновление российских детей гражданами США. Дата рассмотрения законопроекта парламентом была объявлена за два дня до мероприятия, делая невозможным протестующим выполнить трехдневный срок уведомления о «пикетах» (см. выше пункт 6-8). Тот факт, что общество не было заблаговременно проинформировано о дате рассмотрения законопроекта парламентом, лишило протестующих возможности либо отказаться от их права на мирное собрание в целом, либо осуществить его в нарушение административных требований (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 453).

42. В судопроизводстве против каждого заявителя суды ограничились их оценкой по установлению участия заявителя в «пикете» без предварительного уведомления. Они не рассмотрели вопрос о наличии особых обстоятельств, требующих немедленной реакции на текущее событие в форме спонтанного собрания и оправдывающих отступление от строгого применения предельных сроков уведомления (см. пункты 13 и 14). В отсутствие надлежащего судебного пересмотра указанных вопросов в административных делах или в отдельных разбирательствах, Суд не может строить предположения о том, раскрывали ли факты настоящего дела такие особые обстоятельства, единственным адекватным ответом на которые было немедленное собрание. Со своей стороны Власти не привели какой-либо убедительной причины, почему в демократическом обществе нельзя допускать каких-либо исключений из применения процедуры уведомления, включая требование соблюдения конкретных сроков для

уведомления, в обстоятельствах, когда такие сроки соблюдения невозможно. По мнению Суда, автоматическое и негибкое применение временных рамок уведомления без учета особых обстоятельств настоящего дела явилось вмешательством в нарушение пункта 2 статьи 11 Конвенции (см. упоминавшееся постановление Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункты 473 и 475).

(в) Заключение

43. Учитывая выводы, изложенные в пунктах 39 и 42 выше, Суд считает, что государство-ответчик нарушило требования пункта 2 статьи 11 Конвенции, рассматриваемые в свете статьи 10.

44. Таким образом, в настоящем деле в отношении каждого из заявителей было допущено нарушение статьи 11 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

45. Что касается первого заявителя, в своих замечаниях от 1 февраля 2018 года Терехов, представляющий интересы скончавшегося первого заявителя в Суде, также подал жалобу согласно статье 5 Конвенции в отношении лишения ее свободы 19 декабря 2012 года. В настоящее время не ведется никаких судебных разбирательств, которые следует принять во внимание. Соответственно, эта жалоба была подана с нарушением срока и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

46. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

47. В отношении первого заявителя Терехов требовал выплаты 12 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Второй и третий заявителя требовали по 20 000 евро каждый в качестве компенсации морального вреда. Терехов также потребовал выплаты 20 000 рублей в счет материального ущерба, равного штрафу, уплаченному первым заявителем.

48. Власти сочли требования о компенсации морального вреда чрезмерными и необоснованными. Что касается возмещения материальных убытков, они сообщили, что штраф был наложен на первого заявителя на законных основаниях в связи с совершением административного правонарушения. Следовательно, что касается скончавшегося первого заявителя, они утверждали, что ее мать, Лариса Макарова, не являлась жертвой предполагаемых нарушений Конвенции в контексте не-передаваемых прав и таким образом ей не может быть присуждена компенсация морального вреда.

49. Суд усматривает прямую причинно-следственную связь между установлением нарушения статьи 11 Конвенции и штрафом, уплаченным первым заявителем (см. аналогичную аргументацию в упоминавшихся выше постановлениях Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 515, и по делу «Новикова и другие против России», пункт 232). В связи с этим Суд присуждает первому заявителю 286 евро в качестве компенсации материального ущерба плюс налог, которым может облагаться данная сумма.

50. Принимая во внимание характер и объем нарушений статей 6 и 11 Конвенции в отношении заявителей, а также проводя оценку на справедливой основе, Суд присуждает каждому из заявителей 9 800 евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма.

51. Вышеуказанные суммы, касающиеся скончавшегося первого заявителя, подлежат выплате Ларисе Юрьевне Макаровой (см., аналогичным образом, упоминаемые выше постановления Европейского Суда по делу «Ксенз и другие против России», пункт 117; по делу «Баракхоев против России», пункт 62, по делу «Эргезен против Турции», пункт 73).

Б. Расходы и издержки

52. В соответствии с практикой Европейского Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно были понесены, были необходимыми и разумными с точки зрения их размера.

53. Первый заявитель потребовала выплатить ей 4 300 евро в качестве компенсации расходов за представление ее интересов в Суде. Суд отмечает, что заявитель не представила документальных доказательств, таких как договоры об оказании юридических услуг с ее представителем, платежные квитанции или счета-фактуры, в отношении того, что она имела юридическое обязательство оплачивать услуги адвоката или что она фактически оплатила такие услуги. Суд соглашается с Властями и отклоняет данное требование (см.

аналогичную аргументацию в упоминаемом выше постановлении Европейского Суда по делу «Новикова и другие против России», пункт 235).

54. Второй и третий заявители совместно требовали выплаты 46 200 евро в счет компенсации расходов на правовую помощь в ходе национального судопроизводства и судебного разбирательства в Европейском Суде, и 50 евро на почтовые расходы. Власти оспорили данные суммы как чрезмерно завышенные и необоснованные. Учитывая документы, имеющиеся в его распоряжении, вышеуказанные критерии и повторяющийся характер проблем, поднятых в настоящем деле, Европейский Суд полагает, что разумно присудить заявителям 5 000 евро, покрывающие расходы и издержки, плюс любой налог, который может взиматься с заявителей в связи с получением данной суммы, с перечислением данной суммы на банковский счет представителя заявителей Зборошенко.

В. Процентная ставка при просрочке платежа

55. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *решил* объединить данные жалобы в одно производство и что Лариса Юрьевна Макарова правомочна продолжать разбирательства в Европейском Суде вместо Татьяны Макаровой;
2. *объявил* жалобы, поданные согласно пункту 1 статьи 6 в отношении отсутствия стороны обвинения на судебном слушании по административному производству, а также согласно статье 11 Конвенции, - приемлемыми, остальные жалобы - неприемлемыми;
3. *постановил*, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции ввиду требования объективной беспристрастности в отношении административного производства по делу третьего заявителя и судопроизводства в суде первой инстанции по делам первого и второго заявителей;
4. *постановил*, что в отношении каждого заявителя имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении требования

объективной беспристрастности касательно апелляционного производства против первого и второго заявителей;

5. *постановил*, что в настоящем деле в отношении каждого заявителя было допущено нарушение статьи 11 Конвенции;
6. *постановил*:
 - (а) что в течение трех месяцев государство-ответчик обязано выплатить Ларисе Юрьевне Макаровой указанные ниже суммы, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты:
 - (i) 286 евро (двести восемьдесят шесть евро), включая любой налог, который может взиматься, в качестве компенсации материального ущерба;
 - (ii) 9 800 евро (девять тысяч восемьсот евро) плюс любой налог, которым может облагаться эта сумма, в качестве возмещения мо-рального вреда;
 - (б) что в течение трех месяцев государство-ответчик обязано выплатить второму и третьему заявителям указанные ниже суммы с последующим переводом в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты:
 - (i) 9 800 евро (девять тысяч восемьсот евро), включая любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, каждому заявителю в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) 5 000 евро (пять тысяч евро), включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, второму и третьему заявителям в счет возмещения издержек и расходов, подлежащие перечислению на банковский счет их представителя Зборошенко;
 - (с) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на вышеуказанные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной учётной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта;
7. *отклонил* остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление в письменной форме направлено 26 марта 2019 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араджи
Заместитель Секретаря Суда

Хелен Келлер
Председатель